

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ ПОТРАВНОВ

независимый исследователь
проект Регионавтика
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
canonir7@gmail.com

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ХМЕЛЬНИК

независимый исследователь
проект Регионавтика
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
regionavtica@gmail.com

ИСТОРИЯ ДОБЫЧИ ШОКШИНСКОГО КВАРЦИТА ДЛЯ САРКОФАГА НАПОЛЕОНА

Статья посвящена изучению истории добычи шокшинского кварцита (кварцитопесчаника) для изготовления саркофага Наполеона в Париже. Производится сравнение воспоминаний французского писателя Луи-Антуана Леузона Ле Дюка, которые часто используются в качестве главного источника информации по данной теме, со сведениями из архивных документов и ряда иных опубликованных материалов XVIII–XIX веков. В научный оборот вводится целый ряд ранее не публиковавшихся документов: текст Высочайшего изволения на добычу красного порфира, фрагменты переписки, связанной с подготовкой к получению разрешения на добычу камня, рапорты о выделении карьера в натуре, о нарушениях в ходе работ по добыче камня, об освидетельствовании блоков порфира, подготовленных к погрузке на судно, фрагменты переписки о выдаче заграничного паспорта Ивану Буютти и т. д. В результате анализа известными авторам сведений с высокой степенью достоверности реконструируется история добычи кварцита для саркофага Наполеона, весьма отличная от ранее опубликованных версий. Делается вывод о множестве неточностей, искажений и ошибок в воспоминаниях Леузона Ле Дюка, что переводит эти мемуары из источника документальных сведений в разряд художественного произведения. Кроме того, предлагается объяснение причинам расхождения данных о количестве вывезенного из России шокшинского порфира, содержащихся в разных источниках.

Ключевые слова: шокшинский порфир, саркофаг Наполеона, Шокша, кварцит, кварцитопесчаник, Онежское озеро, Буютти, Леузон Ле Дюк

Для цитирования: Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю. История добычи шокшинского кварцита для саркофага Наполеона // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.558

ВВЕДЕНИЕ

Шокшинский кварцитопесчаник (кварцит, «шохан») стал широко известен в основном благодаря его применению в отделке различных достопримечательностей Санкт-Петербурга (Исаакиевский и Казанский соборы, Михайловский замок, памятник Николаю I, Чесменская колонна и т. д.) и Москвы (Мавзолей Ленина, Могила Неизвестного Солдата и т. д.). В некоторых случаях этот розово-красный шокшинский кварцитопесчаник ошибочно называют порфиром. Но такой термин по отношению к этому камню с точки зрения геологии неверен, поскольку порфирами называют кислые горные породы, имеющие особую структуру, а не цвет. Об этом отличии специалисты знали еще в середине XIX века¹, а путаница возникла из-за внешнего сходства шокшинского кварцитопесчаника с некоторыми древнеримскими изделиями из египетского

порфира. Именно это сходство и стало главной причиной, по которой французский архитектор Луи Висконти решил использовать шокшинский кварцитопесчаник для устройства гробницы Наполеона Бонапарта в Париже. Об этом факте упоминают уже более 150 лет практически все, кто пишет о Карелии в художественной, научно-популярной и научной литературе [1], [2], [6] и др. В последнее время появился ряд публикаций [3], [4], [5], [7], в которых значительное внимание этому событию было уделено с использованием опубликованных в 1873 году в Париже воспоминаний одного из участников этих событий – французского писателя Луи-Антуана Леузона Ле Дюка (Louis-Antoine Léouzon Le Duc)².

Использовать воспоминания, написанные спустя несколько десятилетий после происходящих событий в качестве главного источника фактов, – это всегда большой риск. Порой авторы

таких воспоминаний достаточно серьезно искажают то, что происходило в действительности, ошибаются в цифрах, датах, преувеличивают значимость своих действий и принижают роль других участников. В этой статье мы постараемся не только разобраться, насколько события, описанные Леузоном Ле Дюком, соответствуют сведениям из других источников, но и на основе архивных документов предложим наиболее вероятную трактовку того, как камень с берегов Онежского озера оказался во Франции.

ВЕРСИЯ ЛЕ ДЮКА

Для начала вкратце, без подробностей и отклонений от главного сюжета, изложим суть написанной Ле Дюком истории по его публикации 1873 года. Итак, у архитектора гробницы Наполеона Луи Висконти были серьезные проблемы с выбором камня для саркофага. Он хотел, по примеру древних римлян, использовать в убранстве этого монумента знаменитый порфир из Египта. Но старые выработки были давно утрачены, а новых месторождений найти не получалось. Единственный образец камня, который заинтересовал Висконти, был прислан в Париж из Санкт-Петербурга. Учитывая, что летом 1846 года Ле Дюк собирался в Россию и Финляндию, министр внутренних дел Франции поручил ему решить вопрос по добыче и переправке необходимого количества камня во Францию. Тот согласился. В конце августа 1846 года он уже оказался в Санкт-Петербурге³. Первым делом Ле Дюк посетил Горное ведомство, а затем, в середине осени, решил отправиться в поисках порфира не в Олонецкую губернию, а поближе, на остров Гогланд⁴. Вместе с инженером Бюатти он нашел на Гогланде много порфира, который не удовлетворил француза по цвету и однородности⁵.

После этой неудачи Ле Дюк и Бюатти отправились в Олонецкую губернию. Остановившись в деревне Игнатовская, они обследовали берега реки Свирь и Онежского озера, пока не нашли нетронутое месторождение с «порфиром» нужного качества⁶. Далее Ле Дюк долго пытался получить право на добычу этого камня, и только российский император Николай I дал такое разрешение. После монаршего соизволения инженер Бюатти организовал разработку открытого месторождения. Работы контролировал сначала Ле Дюк, а затем атташе французского посольства. Чтобы выбрать необходимые 15 кусков общим объемом 726 кубических футов (20,56 м³), было выломано более 200 блоков. Для обеспечения сходства отобранных камней по цвету и структуре выломанные блоки предварительно полировались прямо на месте⁷. Работы на карьере были завершены

осенью 1847 года, но транспортировка блоков во Францию из-за бури на Онежском озере перенеслась на следующий год⁸. Общие затраты на добычу, разведку и доставку, по оценке Ле Дюка, составили 200 000 франков. При этом Николай I освободил французов только от оплаты за право добычи камня стоимостью в 6000 франков⁹.

Ж. Туре и А. Г. Булах отмечают:

«В своей книге [Leouzon Le Duc, 1873], которую он написал несколько лет спустя после возвращения, Леузон Ле Дюк пытается показать, что он и есть истинный открыватель места нахождения шокшинского кварцита на основе консультаций, которые он получил в Императорской горной школе в Париже, а также от Норденшельда, генерального директора рудников в Финляндии» [4: 129].

Мы постараемся разобраться в этой истории с использованием данных из других источников – архивных документов и сведений из иных публикаций рассматриваемого периода. Для начала считаем необходимым коротко рассказать о добыче и использовании в России шокшинского кварцитопесчаника до 1846 года, чтобы лучше представлять контекст описываемых событий.

ИЗ ИСТОРИИ ДОБЫЧИ ШОКШИНСКОГО КАМНЯ ДО 1846 ГОДА

Песчаники и кварцитопесчаники на западном берегу Онежского озера стали известны российским специалистам как минимум с начала XVIII века. В письме Олонецкого коменданта и начальника Петровских, Повенецких и Кончезерских заводов Виллима Геннина, датированном 1714 годом, отмечается:

«Из помянутого дворового числа: Оштинского погоста Рыбарекой, и Гиморекой, Остречинского Шокшенской и Шелтозерской волостей на крестьян на 140 дворов положено ломать и грузить в карбасы камень к домам, на Петровской и Повенецкой заводы»¹⁰.

То есть в письме упоминаются населенные пункты на юго-западном берегу Онежского озера и указывается, что крестьянам необходимо возить некий камень к заводским домам. Что за камень и для каких целей он был нужен Геннину, можно узнать из книги академика Озерецковского в описании места добычи «брусинского» (брусенского) камня, которое он посетил в 1785 году: «...употребляют его в Петрозаводске на железоплавильные печи или домны, в которых он несравненно дольше жар выдерживает, нежели всякий кирпич»¹¹. О таком же назначении этих камней (песчаников) с берегов Онежского озера писал и Земляничин спустя почти 100 лет:

«По местонахождению, по употреблению и по трудности обтески, песчаник получил здесь различ-

ные названия. Так называют его порфиром... горновым камнем – вследствие употребления его для лещадей и футеровки доменных печей... Названия же от мест добычи: Каменоборский, Пухтинский, Бруснинский и Шокшинский. <...> Добываемый здесь (близ р. Шокша. – А. П., Т. Х.) песчаник имеет красноватый цвет и лежит слоями, между которыми попадаются имеющие темнокрасный цвет и весьма мелкое зерно, вследствие чего они пользуются наибольшею популярностью»¹².

Но не только для домен и форм использовали шокшинский кварцитопесчаник. Начиная с 1768 года, когда приняли решение строить новый Исаакиевский собор, было заготовлено и доставлено в Санкт-Петербург значительное количество шокшинского камня («шохана»). Исходя из составленной в 1802 году ведомости остатков мрамора и других камней, 361 кусок «шокшинского порфира» был принят по описи у архитектора Винченцо Бренны и находился на складе около собора¹³. Кстати, именно из запасов, предназначенных для нужд Исаакиевского собора, шокшинский «порфир» был использован Бренной при отделке Михайловского (Инженерного) замка. Для строительства Казанского собора основное количество шокшинского камня было добыто на новом месторождении темно-бурого слоистого «шохана», расположенного в 10 верстах от старого и в 300 метрах от берега Онежского озера. Ломка эта называлась № 17 «Шокшенская слоистая»: «Камень лежит горизонтально, слоями каждые находятся толщиной от 1-го до 3 вершков, а толщиной все слои составляют 12 вершков...»¹⁴.

В 1816 году два месторождения шокшинского камня на берегу Онежского озера уже официально числились в составе Тивдийских мраморных ломок. На одном из них (№ 16) добывался камень «цветом малиновый с белинками пятнышками»¹⁵.

В 1844 году шокшинские карьеры и другие месторождения Тивдийских мраморных ломок были переданы по контракту отставному капитану Дершау, который и обязался обеспечить выломку необходимого количества мрамора и шокшинского камня (шохана) для отделки Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. В августе 1845 года на этой ломке работало 35 каменотесов и 40 чернорабочих¹⁶. Никакого завода по обработке или распиловке блоков на этих карьерах не отмечалось, а работы продолжались исключительно в теплое время года. На зиму рабочие распускались по домам¹⁷.

Таким образом, к моменту прибытия Леузона Ле Дюка в Санкт-Петербург российские чиновники хорошо знали, где и в каком количестве добывается шокшинский камень и кто имеет право

это делать. Кроме того, специалисты из Горного ведомства понимали, чем песчаник (именно так шокшинский кварцитопесчаник тогда определяли в России) отличается от порфиров и гранитов¹⁸.

ПОДГОТОВКА К ДОБЫЧЕ ПОРФИРА ДЛЯ ГРОБНИЦЫ НАПОЛЕОНА

Один из первых документов, связанных с историей добычи шокшинского кварцита для гробницы Наполеона, который нам удалось найти в российских архивах, датирован 16 ноября 1846 года. Это письмо из Гоф-интендантской конторы Министерства Императорского двора в Комиссию Высочайше утвержденную о построении Исаакиевского собора, в котором задается один вопрос: можно ли на Тивдийских мраморных ломках беспрепятственно выломать «крепкого Шохана до 90 кубических аршин» (до 32 кубометров)¹⁹. Достаточно быстро, через 11 дней, Комиссия направила аналогичный запрос в адрес капитана Дершау, который работал на этих ломках по контракту. Весьма подробный и информативный ответ капитана Дершау, где сообщается, что в 1846 году он поставил все положенное количество «шоханского порфира» для Исаакиевского собора, датирован 8 декабря 1846 года. Кроме того, Дершау писал, что, поскольку при обработке этих блоков в Санкт-Петербурге могут возникнуть претензии по качеству, то:

«...не вывез принадлежащий мне инструмент, ремонтировал казарму и кузницу и даже отвалил от горы несколько больших масс порфира. Следовательно допустить работать другому лицу не только в том месте но даже в смежности послужили бы для меня помешательством в работе. При сем честь имею присовокупить, что если предполагаемая выломка требует штук больших измерений, то кроме вышеуказанных неудобств в работе, предполагаемая выломка легко может истощить брешь, так что когда потребуются для украшения Исаакиевского собора штуки больших размеров, то как добытие их будет уже сопряжено с большими затруднениями, то необходимо и ценность штук больших размеров значительно увеличить»²⁰.

Из этого документа мы можем сделать несколько важных выводов. Во-первых, вероятнее всего, в октябре 1846 года на Шокшинских ломках побывали с изучением их возможностей по добыче порфира нужного качества и размеров инженер Бюатти и, возможно, Ле Дюк. Мы не сомневаемся, что Висконти сделал подробный расчет и указал, наряду с прочими характеристиками камня, нужные габариты блоков. Поэтому Дершау и пишет о постороннем подрядчике и о «штуках» порфира больших размеров. В письме из Министерства этих сведений со-

общено не было. На наш взгляд, о таких подробностях Дершау мог узнать только от потенциальных заказчиков. Во-вторых, из этого ответа ясно, что на ломках не было никаких помещений и механизмов для распиловки и шлифовки порфира, поскольку чистовая отделка камня происходила в Санкт-Петербурге. Как только письмо было получено в Комиссии, то его практически сразу перенаправили в Министерство Императорского двора. Менее чем через месяц, 5 января 1847 года, из Министерства в адрес Комиссии было отправлено письмо, подписанное министром Императорского двора князем П. М. Волконским:

«Государь Император Высочайше повелеть изволил: три кубических сажени красного порфира, потребного на сделание памятника Наполеону саркофага дозволить Гидротекту, дворянину Буютти выломать на Тивдийских мраморных ломках с тем, чтобы он производил сию выломку в разстоянии 30-ти сажень от бреши, по заготовке мрамора для Исаакиевского собора; Равно дозволить Буютти устроить и предположенную им на тех же ломках пристань. Денег же за право выломки мрамора не брать»²¹.

Этот документ позволяет нам разобраться во многих противоречиях, которые встречаются в различных публикациях, включая воспоминания Ле Дюка. Итак, во-первых, разрешение на добычу камня выдано на имя Буютти, хотя в своих воспоминаниях Ле Дюк писал, что оно было выдано ему. Во-вторых, в документе точно указан разрешенный к выломке объем камня – 3 кубических сажени, то есть 29 кубометров. О несоответствии этого объема с данными других источников мы поговорим несколько позже. В-третьих, пожелания капитана Дершау не мешать его работам на уже существующем карьере были частично услышаны: место добычи решили сделать рядом, всего в 64 метрах от активно эксплуатирующейся выработки («бреши»). В-четвертых, речь идет об устройстве пристани, предложенной Буютти, для отгрузки готового камня на судно. Исходя из всех этих подробностей, а также письма Дершау, становится понятно, что Буютти осматривал Шокшинские ломки и даже подготовил предварительный проект добычи и вывоза камня, который учитывал бы особенности месторасположения карьера.

Таким образом, история, описывающая подготовку и получение разрешения на добычу порфира, которую представил в своей книге Ле Дюк, плохо соотносится со сведениями из архивных документов. Встретиться со специалистами Горного ведомства, обследовать «в середине осени» (Nous étions en plein automne)²² о. Гогланд, провести изучение берегов Свири и Онежского озера в поисках месторождения порфира и на все это

потратить два месяца (сентябрь и октябрь), на наш взгляд, было нереально – только на одну дорогу могло уйти более месяца (Шокшинский карьер находится на расстоянии около 400 километров от Санкт-Петербурга). По нашему мнению, все происходило несколько иначе: по предварительной договоренности и разрешению Буютти приехал на действующий казенный карьер, общался со специалистами, выяснил, где и как удобнее добывать камень, подготовил проект, после чего и направил прошение на добычу камня на уже разрабатываемом месторождении. Сроки получения разрешения оказались весьма сжатыми: от официального запроса Гоф-интендантской конторы о возможности добычи камня в указанном месте до получения Высочайшего соизволения прошло всего полтора месяца.

В статье, посвященной этой истории, Ж. Туре и А. Г. Булах, изучая документы французских архивов, отмечают существенную деталь. В 1849 году, когда с Буютти стали требовать оплату пошлины за ввоз блоков камня на территорию Франции, он в своих письмах вспоминал контракт стоимостью 200 000 франков на доставку необходимого количества камня во Францию, который был заключен в Санкт-Петербурге между инженером и Ле Дюком. При этом почти 3/4 от указанной суммы Буютти получил сразу в России, а остаток – 43 000 франков – ему должны были выплатить после доставки камня в Париж [4: 132]. В таком случае получение Высочайшего изволения о добыче порфира на имя Буютти вполне логично, поскольку, скорее всего, к этому времени у него уже был заключен контракт с французским правительством, со всеми прописанными условиями, правами и обязательствами. Так что роль и место Леузона Ле Дюка в этой истории, по нашему мнению, скорее, сводились лишь к обеспечению заключения этого правительственного контракта.

Итак, разрешение на добычу камня было получено, и 12 февраля 1847 года в Петрозаводске австрийский подданный Иван Буютти подписал контракт на выломку «шоханского порфира» с горнозаводским крестьянином Петрозаводского уезда Рыборецкого мирского общества деревни Игнатовской Василием Ивановым Лониным²³.

ДОБЫЧА, ВЫВОЗ И... КОНТРАБАНДА?

Зимой работы по добыче камня не велись, поэтому все ждали весны. 5 апреля 1847 года Главный смотритель Тивдийских мраморных ломок А. Неуймин выехал в Шокшу для отвода места добычи, а 16 апреля доложил:

«...Отведено мною место контрагенту дворянина Буютти крестьянину Василию Лонину для выломки крас-

ного порфира, расстоянием от прежде разработанной ломки в 30-ти саж. в чем взята с Лонины подписка»²⁴.

Судя по этому документу, работа по добыче порфира началась во второй половине апреля. Практически через месяц, 18 мая, капитан Дершау подал в Санкт-Петербург прошение, в котором указал, что порфир ломается не рядом, а в его, капитана, бреши, где и добыто таким незаконным способом «пять кабанов»²⁵.

В начале июня Бюатти срочно прибыл на карьер разбираться с этим вопросом и запретил Лонину работать в ненадлежащем месте. Вместе с Бюатти в Шокшу приезжал и чиновник французского посольства г-н Казинир. Они вместе осмотрели результаты работы Лонины и отметили, что штуки, добытые на чужой ломке, не подходят для отправки во Францию. Казинир уезжает обратно в Санкт-Петербург, а Бюатти, отстранив Лонины, остается лично руководить работами. 10 июня по указанию из Санкт-Петербурга для выяснения проблем с нарушением места добычи на карьер приезжал Неуймин. Результат расследования подробно представлен в его рапорте, в котором он отмечал, что нарушения уже не повторяются, а выломанные в неполюженном месте блоки во Францию не повезут. В результате (возможно, не без подачи Бюатти) Неуймин приходит к выводу, что «капитану Дершау от этой выломки кроме видимых выгод никакого ущерба не сделано»²⁶. После этого Бюатти, с письменного согласия Дершау и Гоф-интендатской конторы, стал добывать кварцит в другом месте.

К сентябрю 1847 года необходимое количество камня соответствующего качества было выломано, и для освидетельствования на карьер снова приезжает Неуймин. Рапортом от 16 сентября 1847 года он докладывает в столицу, что Бюатти подготовил к погрузке 3 кубических сажени в 20 штуках разной величины. На возмещение затрат по проезду из Тивдии в Шокшу для контроля за выполнением указанных работ Неуймину требуется выложить 69 рублей 30 копеек²⁷. Размеров обследованных блоков в этом рапорте нет. Но, по данным капитана Корпуса горных инженеров Комарова, опубликованным всего спустя 4 года, самый большой блок был 4,62 м в длину, 2,49 м в ширину и толщиной 1 м. Кроме этого, среди крупных камней он отмечал два блока длиной 4,26 м в длину, 1,42 м в ширину и толщиной 0,53 м²⁸.

Обратимся еще раз к воспоминаниям Ле Дюка, в которых он утверждал: чтобы подобрать камень по цвету, его полировали на месте добычи²⁹. Если это делалось, то могли ли за столь короткий период времени проверить 200 блоков? В работе Туре и Булаха приводятся сведе-

ния, что, по оценке французских специалистов, «для подготовки плоской поверхности площадью в 3,91 м² потребуется 115 рабочих дней при разрушении 3103 головок инструментов» [4: 133], и это только подготовка, а не сама полировка! Полная же обработка и полировка привезенного из Шокши камня для гробницы с использованием специального оборудования и машин заняла во Франции 2 года! Так что и в этом эпизоде о полировке и выборе 15 кусков камня, рассказанном Ле Дюком, мы не находим никаких подтверждений слов рассказчика.

В сентябре 1847 года для вывоза подготовленных блоков в Санкт-Петербург был зафрахтован специальный корабль. 19 сентября на него стали грузить небольшие куски порфира. 20 сентября началась серьезная буря на Онежском озере, судно прибило к берегу и оно дало течь. Немедленно начали выгрузку камней. К окончанию бури, 24 сентября, корабль оказался почти полностью разрушен³⁰. Бюатти срочно заказал новое судно, и 14 октября судовладелец Ольшев отважился обеспечить перевозку блоков. Однако навигация уже заканчивалась, и загруженное судно Ольшева встало на зимовку в истоке Свири в Вознесенской пристани³¹. После зимовки судно с порфиром пришло в Санкт-Петербург в летнюю навигацию 1848 года, но дальше во Францию груз не отправился. Этому помешали неожиданные для всех обстоятельства. О том, что произошло, мы узнаем из письма вице-губернатора Олонецкой губернии от 9 июля 1848 года³². В этом документе рассказывается, что 27 февраля 1848 года крестьянин Лонин подал в Петрозаводский уездный суд прошение «об удовлетворении от австрийского подданного Бюатти за выломку и обделку камня». В доказательство этого он приложил один счет на сумму 1029 рублей 30 копеек. Уездный суд не стал вызывать Бюатти, а сразу принял интересное решение – разослал команду «приарестовать груз». То есть не изъять, не арестовать, а просто не выпускать с корабля и не выпускать за границу. По мнению Губернского правления, оснований для запрета и ареста не было. Во-первых, выяснилось, что показанный Лониным счет был за инструменты, а не за работы. Во-вторых, арест движимого имущества зависит от Губернского правления. В результате олонецкие власти решили, что:

«по не имению законных оснований к заарестовыванию доставляемого иностранцем Бюатти в Париж для саркофага Наполеона камня... по доставлении означенного камня в С-Петербург на судне крестьянина Ольшева, в передаче оного иностранцу Бюатти не было чинимо препятствия»³³.

Итак, последние препятствия отпали. Для дальнейшей отправки груза в Гавр было зафрахтовано ходившее под российским флагом судно «Герман» (шкипер Ларсен), которое, по данным газеты «Олонецкие губернские ведомости», отправилось в плавание 21 августа 1848 года³⁴. Затем Иван Буютти обратился в правительственные органы с просьбой о получении разрешения выехать в Париж. 9 сентября 1848 года из канцелярии Управления С.-Петербургского военного генерал-губернатора на имя министра внутренних дел под грифом «секретно» был направлен соответствующий запрос:

«Дворянин Иван Буютти, отправляющийся в Париж для доставления лично по заключенному с тамошним Правительством контракту красного порфира для памятника Наполеона, обратился ко мне с просьбой о снабжении его заграничным паспортом для отъезда во Францию сроком на шесть месяцев, представив установленные законом документы»³⁵.

Уже 21 сентября из департамента полиции Министерства внутренних дел был дан ответ за подписью графа Л. А. Перовского:

«Государь Император по всеподданейшему докладу моему просьбы дворянина Ивана Буютти об увольнении его в Париж на шесть месяцев для доставления по заключенному контракту красного порфира для надгробного памятника Наполеону, изъявил на сие Высочайшее соизволение, но с тем, что бы по возвращении Буютти взять под особый надзор. Сообщая о сей Монаршей воле Вашему Высокопревосходительству в ответ на отношение Ваше от 9 сего сентября я имею честь препроводить при сем к Вам Милостивый Государь заграничный паспорт №147 покорнейше прося приказать выдать оный г. Буютти на законном основании»³⁶.

Это письмо из министерства подтверждает существование контракта на поставку порфира между Иваном Буютти и французским правительством. Также весьма интересными оказываются указания о необходимости обеспечить надзор. Безусловно, что это было связано с происходившими во Франции, Баварии, Пруссии и Австрийской империи революционными событиями и усилением цензуры в России. Опасения, что Буютти после своей поездки может оказаться распространителем нежелательной для российского правительства информации, безусловно, у чиновников были. О том, как реализовывалась эта императорская воля, можно узнать из рапортов на имя министра внутренних дел от военных генерал-губернаторов приграничных губерний. Вот один из них, датируемый 2 октября 1848 года, также с грифом «секретно»:

«Вследствие объявленного в отношении Вашего Высокопревосходительства от 20 сентября № 205 Высочайшего повеления я сделал вместе с сим распоряжение

к учреждению особого надзора за дворянином Буютти, в случае, если он будет возвращаться из-за границы чрез управляемые мною губернии»³⁷.

Далее, судя по работе Туре и Булаха [4: 132], у Ивана Буютти возникли серьезные трудности уже во Франции. Именно по прибытии порфира в Париж вдруг выясняется одна очень важная особенность. Мы уже писали, что по российским документам Иван Буютти получил право на бесплатную добычу и вывоз 29 кубометров шокшинского порфира. Главный инспектор Тивдийских ломов Александр Неуймин своим рапортом подтверждал то же самое количество подготовленного к отправке камня; никаких других документов о покупке или отпуске для Буютти каких-либо дополнительных объемов шокшинского порфира или иного камня мы не встретили. Но во Франции речь шла уже о совершенно другом количестве прибывшего порфира – о 29 блоках суммарным объемом в 38 кубометров! На наш взгляд, такое расхождение в количестве может говорить только об одном – о незаконном вывозе, по сути, контрабанде 9 кубометров дорогостоящего камня. Во Франции это несоответствие выявилось и, вполне возможно, что проблемы с таможенными платежами во Франции были связаны как раз с расхождением фактического объема привезенного порфира с количеством, указанным в сопровождающих документах. Очевидно, что этот момент требует дополнительного изучения французских архивных документов.

После долгих препирательств таможенные платежи Буютти оплатил, а излишки порфира продал по минимальной цене [4: 132]. Гробницу для Наполеона в Париже сделали, но для многих французов сам факт использования для саркофага знаменитого императора камня из России вызвал явное неудовлетворение. Например, архитектор и археолог Александр Альберт Ленуар, признавая удивительную красоту гробницы из красного кварцевого песчаника, искренне сожалел, что этот камень пришлось привезти именно из России, а не из любой другой страны³⁸. Вполне возможно, что именно по этой причине во Франции предпочитают говорить, что камни для саркофага были привезены из Финляндии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, наше предположение о том, что к воспоминаниям Луи-Антуана Леузона Ле Дюка нельзя относиться как к серьезному документальному свидетельству, подтвердилось: слишком много оказалось в них фантазий и нестыковок. Мы не сомневаемся в том, что автор принимал участие в истории, связанной с шокшинским кварцитом для гробницы Наполеона. Возможно, что он даже

посещал карьер на берегу Онежского озера, где добывался этот камень.

К сожалению, произведение французского писателя, посвященное добыче шокшинского порфира в России, спустя 140 лет было воспринято как единственное документальное свидетельство очевидца, что привело к невольному искажению событий прошлого в некоторых статьях уважаемых авторов [3], [4] [5], [7]. Мы в свою очередь считаем, что сведения, содержащиеся во введенных нами в научный оборот документах из Российского государственного исторического архива (РГИА) оказываются намного информативнее, интереснее и поучительнее мемуаров, опубликованных спустя 25 лет после описываемых событий.

Российский император весьма благородно позволил без каких-либо платежей в российскую

казну добыть и вывезти редкий камень для гробницы иностранного монарха, ранее нанесшего России серьезный ущерб. Судя по всему, не все оценили этот широкий жест самодержца. Более того, устройство гробницы для бывшего императора стало для многих попыткой нажиться на этом событии: австрийский подданный и дворянин Иван Бюатти продавал контрабандные излишки, французское правительство взимало с камня пошлины и налоги, российские чиновники закрывали глаза на происходящие нарушения, а Луи-Антуан Ле Дюк рассказывал сказки.

Время идет, история забывается, но жители Карелии до сих пор искренне гордятся тем, что именно камень с берегов Онежского озера стоит в центре Парижа, надежно укрывая тело знаменитого императора, «непобедимая» армия которого была разгромлена в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Albert Lenoir. Le tombeau de Napoléon premier aux Invalides, Paris, 1855. P. 22 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k96340025> (дата обращения 03.03.2020).
- ² Léouzon Le Duc L. Le sarcophage de Napoléon en son tombeau des Invalides. Paris, 1873 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k114587g> (дата обращения 03.03.2020).
- ³ Ibid. P. 13
- ⁴ Ibid. P. 18.
- ⁵ Ibid. P. 24.
- ⁶ Ibid. P. 28.
- ⁷ Ibid. P. 35–36.
- ⁸ Ibid. P. 39.
- ⁹ Ibid. P. 35.
- ¹⁰ Материалы для истории казенного горного дела в Олонецком крае (из писем Виллима Ивановича Геннина). Петрозаводск, 1902. С. 28–29.
- ¹¹ Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792. С. 160.
- ¹² Земляничны М. Обзор месторождений полезных ископаемых в Олонецкой губернии и их эксплуатация // Олонецкий сборник. Вып. 1. 1876. С. 42–43.
- ¹³ РГИА. Ф. 470. Оп. 1. Вн. оп. 80/514. Д. 25. Л. 13.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 18. Л. 57.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 18. Л. 56.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1311 Оп. 1. Д. 1356. Л. 135.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1356. Л. 151.
- ¹⁸ Горный словарь, составленный Григорием Спасским обер-берггауптманом 5 класса и Кавалером, Императорской С.-Петербургской академии наук корреспондентом и разных ученых обществ членом. Часть вторая. О–С. М., 1842. С. 89.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 140.
- ²⁰ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 142–143.
- ²¹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 146.
- ²² Léouzon Le Duc L. Le sarcophage de Napoléon en son tombeau des Invalides. Paris, 1873. P. 18 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k114587g> (дата обращения 03.03.2020).
- ²³ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 151.
- ²⁴ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 150.
- ²⁵ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 152. (Кабаном называли большой кусок отламываемого от скалы камня, который затем подлежал дальнейшей обработке.)
- ²⁶ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 157–158.
- ²⁷ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 161.
- ²⁸ Комаров. О строительных материалах Олонецкой губернии // Горный журнал. 1851. № 10. С. 89.
- ²⁹ Léouzon Le Duc L. Le sarcophage de Napoléon en son tombeau des Invalides. Paris, 1873. P. 35–36 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k114587g> (дата обращения 03.03.2020).
- ³⁰ Олонецкие губернские ведомости. № 43 от 23.10.1847 г.
- ³¹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 167.
- ³² РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 167–168.
- ³³ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 168.

³⁴ Олонецкие губернские ведомости. № 7 от 17.02.1849 г.

³⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 11 (1848 г.) Д. 286. Л. 1.

³⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 11 (1848 г.) Д. 286. Л. 4.

³⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 11 (1848 г.) Д. 286. Л. 9.

³⁸ Albert Lenoir. Le tombeau de Napoléon premier aux Invalides, Paris, 1855. P. 23–24 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k96340025> (дата обращения 03.03.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зискинд М. С. Декоративно-облицовочные камни. Л., 1989. 254 с.
2. Осколков В. А. Облицовочные камни месторождений СССР: Справочное пособие. Второе издание. М., 1991. 272 с.
3. Таньшина Н. П., Борисенко Ю. А. Саркофаг Наполеона из «русского порфира» // Родина. 2018. № 5. С. 105–109.
4. Туре Ж., Булах А. Г. Из Шокши в Париж. История поиска, добычи, доставки и обработки камня для саркофага Наполеона // Труды Карельского НЦ РАН. Сер. Геология докембрия. 2016. № 10. С. 127–134.
5. Туре Ж., Булах А. Г. Цветной камень гробницы Наполеона в Париже: искусство, геология, география // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 20–30. DOI: 10.21638/11701/spbu07.2017.102.
6. Шеков В. А. Палитра карельского камня. Петрозаводск, 2006. 95 с.
7. Bulakh A., Touret J. Shoksha quartzite, a heritage stone of international importance from Russia // Geological Society, London, Special Publications. Vol. 486. Global Heritage Stone: Worldwide Examples of Heritage Stones. 2020. P. 295–304.

Поступила в редакцию 10.03.2020

Aleksander L. Potravnov, Independent Researcher, Regionavtica Project (St. Petersburg, Russian Federation)
canonir7@gmail.com

Tatiana Yu. Khmelnik, Independent Researcher, Regionavtica Project (St. Petersburg, Russian Federation)
regionavtica@gmail.com

HISTORY OF MINING SHOKSHA QUARTZITE FOR NAPOLEON'S SARCOPHAGUS

The article studies the history of mining Shoksha quartzite sandstone (quartzite) for the tomb of Napoleon Bonaparte in Paris. The authors compare the memoirs of a French writer Louis-Antoine Leuzon Le Duc, which are widely used as the main source of information on this topic, with the information from archival documents and a number of other published materials of the XVIII and the XIX centuries. A number of previously unpublished documents are introduced into scientific circulation, including the text of the Highest Permission for Extraction of Red Porphyry, fragments of correspondence dealing with the preparation for obtaining a permit for the quarrying, reports on allocating a site for a quarry, on violations during the quarrying, and on examining the porphyry blocks prepared for shipment, fragments of correspondence dealing with the issuance of a foreign passport to Ivan Buyatti, etc. The analysis of information known to the authors enables them to reconstruct, with high certainty, the history mining quartzite for Napoleon's sarcophagus, which turns out to be very different from previously published versions. Therefore, the authors draw a conclusion that there are many inaccuracies, distortions and errors in Leuzon Le Duc's memoirs, which makes them a piece of literary fiction, rather than a source of documentary information. The authors also offer an explanation of the discrepancies between the amounts of Shoksha porphyry exported from Russia given in different sources.

Keywords: Shoksha porphyry, sarcophagus of Napoleon, Shoksha, quartzite, quartzite sandstone, Onega Lake, Buyatti, Leuzon Le Duc

Cite this article as: Potravnov A. L., Khmelnik T. Yu. History of mining Shoksha quartzite for Napoleon's sarcophagus. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.558

REFERENCES

1. Ziskind M. S. Ornamental facing stones. Moscow, 1989. 254 p. (In Russ.)
2. Oskolkov V. A. Facing stones of the USSR deposits: Reference book. Moscow, 1991. 272 p. (In Russ.)
3. Tan'shina N. P., Borisenok Yu. A. The sarcophagus of Napoleon made from "Russian porphyry". *Rodina*. 2018. No 5. P. 105–109. (In Russ.)
4. Touret J., Bulakh A. G. From Shoksha to Paris (the history of quarrying, transportation and carving stone for the sarcophagus of Napoleon). *Proceedings of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Precambrian Geology Series*. 2016. No 10. P. 127–134. (In Russ.)
5. Touret J., Bulakh A. G. Ornamental stones of the Napoleon tombstone (Paris): art, geology, and geography. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*. 2017. Vol. 62. Issue 1. P. 20–30. DOI: 10.21638/11701/spbu07.2017.102. (In Russ.)
6. Shekov V. A. Karelian stone palette. Petrozavodsk, 2006. 96 p. (In Russ.)
7. Bulakh A., Touret J. Shoksha quartzite, a heritage stone of international importance from Russia. *Geological Society, London, Special Publications*. Vol. 486. Global Heritage Stone: Worldwide Examples of Heritage Stones. 2020. P. 295–304.

Received: 10 March, 2020